

«С НАДЕЖДОЙ СМОТРЕТЬ В БУДУЩЕЕ»

говорит Джон Бойнтон Пристли

16 НОЯБРЯ Джон Пристли и его супруга Джакетта Хокс улетели в Англию после поездки по Советскому Союзу. Корреспондент «Недели» беседовал с видным английским писателем накануне его отъезда на родину.

МОЖНО БЫЛО предположить, что человек, за месяц побывавший в Москве, Ялте, Сочи, Тбилиси, Ереване, Бухаре, Ташкенте и Самарканде, от усталости не сможет сказать двух слов. Не тут-то было! Через пять минут разговор превратился в блистательный монолог о театре, о пьесах и драматургах.

Это было особенно интересно из уст человека, пьесы которого вот уже более четверти века не сходят со сцен лучших театров мира. «Опасный поворот», «Время и семья Конвей», «Визит инспектора», «Семья Линден», «Теперь пусть уходит» много лет шли в наших театрах и по телевидению, а романы «Улица Ангела», «Затемнение в Гретли», «Дневной свет в субботу» издавались огромными тиражами.

В лучших произведениях Пристли действуют персонажи, взятые из жизни, и ценность его творчества — в этих реальных образах. Перед нами живые люди современной Англии, причем автор по натуре оптимист, он верит в людей, в светлое будущее человечества. Поэтому он всей душой ненавидит сытую, чопорную, самодовольную буржуазию, презрение к буржуа захлестывает страницы его книг.

— Женщины без любви, мужчины без искусства, народ, который ничего не создает и прозябает в жалкой, бесполезной жизни,—это скопище уродов и чудовищ, которые думают только об уничтожении друг друга... В Лондоне сейчас сотни солидных служащих — без единой живой мысли, без единого благородного порыва, они замораживают души окружающих... Я не люблю их Англию, я не хочу с ними иметь ничего общего...

Так относится Пристли к буржуа. Теперь о театре.

— Называйте это, как хотите,—инстинкт, чутье, интуиция или просто чувство театра, но если драматург им не обладает, он никогда не создаст полноценного драматургического произведения.

Пишущий для театра ни на минуту не должен забывать о «двойственности» ощущений зрительного зала. В хорошем спектакле зритель верит всему, что происходит на сцене, и в то же время в глубине сознания он понимает, что сцена — это не жизнь, поэтому зритель не бросается на подмостки, чтобы предотвратить «убийство» на сцене.

Если вы хотите написать пьесу, вы должны научиться отбрасывать все лишнее, мешающее развитию сюжета. Крайняя экономичность, никаких отступлений, вполне допустимых в беллетристике, жесткий и четкий силуэт сюжета — вот основные требования «техники» построения пьесы, не говоря о главном, об идее, без которой немислимо ни одно литературное произведение.

Более других подходит для вашего театра «Павильон масок». По стилю это так называемая высокая комедия, требующая первоклассного состава исполнителей. Вообще «Павильон масок» — одна из моих любимейших пьес...

Д. Пристли не коммунист, но в его лучших произведениях — бунт против ограниченности буржуазного общества. Об этом же свидетельствует заявление Пристли на пресс-конференции в день отъезда из Москвы.

— Уже по дороге с аэродрома к центру Москвы я увидел, что строительство достигло гигантских размеров: передо мной предстал новый город. Когда некоторое время спустя я приехал в Ереван, я этого города не узнал вовсе. Это поистине новый город, с центральной площадью, поражающей своим великолепием. Я хочу поздравить вас с громадным размахом градостроительства.

Столь же большое впечатление, как огромные достижения в строительстве, произвело на меня проявление с такой решительностью и энтузиазмом стремления к образованию, к искусству, к науке и технике.

Когда мы были в Ялте, куда я приехал главным образом, чтобы посетить дом Чехова — я очень люблю этого писателя,—мы остановились в писательском доме творчества; он находится в красивой местности, и порядок там замечательный — но, по-моему, там слишком много писателей. Большинство из них, по-видимому, критики. Если вы хотите знать, где критики, я скажу вам — они в доме творчества в Ялте.

Мне хотелось бы высказать какое-то мнение о творчестве молодых советских писателей, но между нами все еще стоят барьеры языка. Но в области искусств, где таких барьеров нет — в живописи и скульптуре,—мне показалось, что во всех тех республиках, где мы были, молодежь работает очень успешно, гораздо лучше, чем я ожидал; уже сделанное ими обещает очень многое в будущем. Да, почти все, что я видел, — говорю это совершенно откровенно,—оказалось лучше, чем я ожидал. Я видел нынче Советский Союз более процветающий, более счастливый, способный внести великолепный вклад в мировую цивилизацию. А о ней мы должны подумать, друзья, о нашей мировой цивилизации, которую мы можем либо совместно улучшить, либо уничтожить.

Уделим же больше внимания планете Земля, прежде чем израсходуем всю свою энергию и все свои ресурсы на попытки достичь Луны, Марса или Венеры. Каждой планете свое время — говорю я. Я имею в виду тот факт, что в наш век, когда все сильнее ощущается стремление к большему социальному равенству, нам грозит опасность утратить известные критерии совершенства в области искусства и ремесел и даже в повседневном поведении, критерии, имеющие огромное значение для разума и духа Человека. Так, например, мы не хотим иметь великолепные предметы в музеях и удручающе унылый хлам в магазинах. Мы сами должны создавать прекрасные вещи! Мы хотим растить людей с более тонким умом, способных воспринимать жизнь во все большем ее многообразии, способных обогащать и углублять человеческое сознание.

Вот еще один довод, поясняющий, почему нам нужно дружеское сотрудничество, а не жестокая конкуренция. И то, что столь многое из увиденного мною здесь, во время моей поездки, доставило мне радость, то, что я нашел здесь так много новых друзей, побуждает меня с большей надеждой смотреть в будущее.

После книги о поездке по Советскому Союзу я приступаю к работе над большой проблемой — «Человек и время», это не беллетристика, просто меня очень взволновали последние открытия физиков, об этом я и собираюсь писать.

С пресс-конференции Джон Пристли с женой направляются в Министерство культуры, затем в «Националь» и на аэродром. Счастливого пути!